

ИЗ ЦИКЛА «СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА»

* * *

От нежной Герды к Снежной Королеве
прошла я путь от Родины вдали.
Иллюзий расписные каравеллы
так быстро оказались на мели.

И намели сугроб на сердце буквы
колючего чужого языка.
Никак мне не сошьет закройщик будней
обещанное счастье на заказ.

Как ни примерю — жмет оно и давит,
а повзрослевший Кай за годом год
из льдинок слово «вечность» составляет
и Герду в соучастницы берет.

А я сложить мечтаю слово «нежность»
из яблоневых легких лепестков —
но стала Герда Королевой Снежной
и поняла давно: итог таков

всех сказок, напросившихся в реальность, —
холодных несурзностей ушат.
Так, в рай чужой непрошено врываясь, —
не обретает благодать душа.

* * *

Метели русской письмена
на датский не переводимы.

Нина Гейдэ — писатель, журналист, литературный критик, переводчик с датского, культуролог. Родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1994 году переехала в Данию. Статьи, проза и стихи публиковались в журналах «Звезда» (Санкт-Петербург), «Московский год поэзии 2014», «Лед и пламень», «Литературные знакомства» (Москва), «НЛО», «Ковчег», «Тула» (Тула), «Рукопись» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Берега Тавриды» (Крым), «Письмена» и «Земное время» (Латвия), «Вышгород» (Эстония), «Правский Парнас» и «ЛитЭра» (Чехия), «Иные берега» и «LiteraruS» (Финляндия), «Роза ветров» (Израиль), «Берег» и «Новый берег» (Дания). Лауреат международных литературных конкурсов: «Под небом Балтики — 2013» (поэзия), «Русский стиль — 2014» (поэзия), Епархиального литературного конкурса «Преображение», Тула, 2015 (поэзия). Член Международной ассоциации писателей и публицистов, Европейского конгресса литераторов и Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Председатель Европейского творческого союза «Огниво», созданного в Копенгагене с целью объединить всех творческих людей независимо от национальности: литераторов, музыкантов, художников.

И кажется, что нет меня
на свете, где сердца как зимы —

где жизнь расходится по шву,
как тот кафтан нелепый тришкин.
Все, что любила, чем живу —
уже обманывало трижды.

И Андерсена мастерство
не помогло печальной Герде
постичь комедий естество
в исконном облике трагедий.

Чужой зимы старинный холод
судьбы меняет изначальность.
И жизнь, что вся не в склад не в лад,
чем совершенней — тем печальней.

* * *

Оставьте сегодня меня одну,
Пускай я даже иду ко дну.
Быть может, это такое дно,
где только мне побывать дано,
где безымянный порог лежит:
не смерть еще и уже не жизнь.
И так легко возвратить назад
клубочки шерсти цветной — вязать
узоры спутанных дней невмочь.
И день уже не светлей, чем ночь.
Вязанки слов — вот и все, что есть.
Их, слава богу, пока не счесть.
И, значит, маленький костерок,
вздымаясь, светом зальет порог,
где продолжает в глаза смотреть
еще не жизнь, но уже не смерть.

* * *

Так отшлифована, что любо
взглянуть — ни бунтов, ни страстей.
Так отшлифована, что глупо
жить в прежнем вихре скоростей.

Стою остуженным вулканом —
покорная календарю.
И ни минуты не лукавлю,
когда судьбу благодарю

за тихое течение будней,
за их простые падежи.
Уже любовью безрассудной
не распалить моей души.

Так отшлифована, что вечный
не нарушаю ход вещей.
Иду судьбе своей навстречу:
прошу не воли, а вожжей.

И опровергнут, и отвергнут
путь наваждений, тайн и смут.
Так отшлифована, что, верно,
есть элемент искусства тут.

И, может, становится старше —
вознаграждение бытия?
Так отшлифована, что страшно:
на самом деле это я?

* * *

Приготовиться к смерти, как сушат грибы к зиме:
пожелтевшие письма — гербарий увядших дней —
разложить на столе, помолчать, посчитать в уме,
сколько раз умирал от любви — от игры теней.

Три любимые книги опять перечесть в слезах,
проходить целый день в халате и быт презреть.
И подумать о том, как же жалко с саней слезать,
на которых пригрелся и даже сумел прозреть:

только это движение и было всего милей —
в никуда ниоткуда под легкий полозьев скрип.
Как невольный всхлип, ощутить белизну полей,
трепетанье ветвей, подо льдом — шевеленье рыб.

Но потрянуть головой — поубавить игривый пыл
забияки щенка, что заметно к весне подрос.
Приготовиться к смерти, смахнуть с антресолей пыль
и тогда уже жить начинать наконец всерьез.

* * *

Как «вы» сказать, когда ты весь как ветер —
посланник с берегов души моей,
куда так труден путь и неприметен
в житейской суете семи морей.

Но нас легко несет ладья молитвы
на дальний свет по волнам грозовым.
И солнечный, замедленный, смолистый
туман любви плывет к губам твоим.

Старинными загадами навеян
весны, едва родившейся, виток.
Но знаю я, что тайн прикосновений
нам не открыть, как чашечки цветов.

Один лишь день с тобою мне дарован
в окладе драгоценном тихих слов.
Ты соберешься в новую дорогу,
в другую лодку взяв свое весло.

Таков твой путь, твоя земная чаша,
в которой для тебя — благая весть.
Как «ты» сказать, когда обитель ваша —
безбрачия заоблачная твердь.

* * *

Суть любви по-русски —
наваждение конца.
Будто счастье — нагрузка.
Будто нужно свинца

боли в самое сердце.
Так и рвется из вен
роковое усердье —
расставаться навек.

Все кончать до начала.
Как Ассоль ни зови —
оставлять у причала
паруса на крови.

Мало моря и мало
этим чувствам земли —
лучше встать у причала,
чем потом на мели

оказаться — в разлуке
бесконечных потерь.
Видно, лучше в разлуке,
чем в земной тесноте.

Лучше сразу от быта
улететь до небес.
Лучше горя избыток,
чем любви недовес

в бытии, что мечтает
зачехлить и ушить.
Жизнь любви не вмещает —
мука русской души.

* * *

Найди границу слов
и тишины границу.
Весь бытия улов
лишь там и сохранится.

Между молчаньем дня
и многоречьем ночи
черта проведена
незримым многоточьем...

Иди по ней, иди —
над явью сна и бденья,
небытия пути
там сходятся с рождением.

Услышь — еще до слов,
до дрожи каждой жилки:
моя к тебе любовь
была — еще до жизни.

* * *

Я — созревший одуванчик
на подкошенном стебле.
Стол, комод, трюмо, диванчик
и Кандинский на стекле.

Дом без весел — словно лодка,
на которой плыть нельзя.
Почему-то мне неловко
посмотреть тебе в глаза.

И бывает ли яснее
невозможность вечных чувств?
Ну, смелее — дунь сильнее:
я по свету разлечусь.